

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
БЕЛОРУССИЯ

г. Минск

1 СЕН 1976

Рядом с интересным собеседником

ценной. Но особый трагизм Джордано Бруно в том, что в своей борьбе он был совершенно одинок, он не мог рассчитывать не только на поддержку, но даже на сочувствие современников. «Еретик!» — это почти синоним слов «инквизиция», «костер». Надеяться на память потомков, казалось, невыносимым: при жизни Бруно был

— Сергей Альбертович, претворение этого замысла в жизнь не могло не связываться с трудностями в подборе материала для либретто.

— Мы с либреттистом Владимиром Халипом взяли за основу материалы судебного процесса над Джордано Бруно из исследований советского ученого В. Рожицына. В них довольно ясно освещены последние восемь лет жизни ученого — от его ареста в Венеции и до костра.

— Ну, а художественный вымысел?

— Он, учитывая специфику жанра, необходим. Если бы мы перевели все действие лишь в повествовательно-философскую плоскость, то слишком усложнили бы восприятие оперы для слушателя.

— Как я понимаю, основной конфликт, развивающийся в опере, — борьба идей Бруно и идей инквизиции?

— Да. Это самое главное. Мы ни в коей мере не стремились написать чисто историческую оперу с «лихо закрученной» интригой. Что же касается музыкального решения конфликта, несомненно, мои предыдущие работы — вокально-симфоническая поэма на текст Эдуардаса Межелайтиса «Пепел» и оратория «Памяти поэта» на стихи Янки Купалы — послужили некоторым подспорьем при сочинении «Джордано Бруно».

— В последнее время много спорят об опере, даже пытаются утверждать, что она исчерпала свои возможности.

— Эта дискуссия давняя. По-моему, беда здесь в традиционном подходе к жанру и исполнителей, и композиторов. Разумеется, композиторы нынче понимают, что писать так, как несколько десятков лет назад, нельзя: у каждого поколения свои проблемы и тревоги, у каждого времени свой пульс, свое измерение.

— И поиски ведутся в самых разных направлениях...

— Естественно. Каждый композитор стремится решать эти задачи по-своему, ищет свой музыкальный язык. Новые средства выразительности нужны музыканту так же, как знание классических азов. Я уверен в том, что современный композитор обязан вла-

деть всеми видами музыкальной техники. Но средства как самоцель разумеется, никому не нужны.

— То есть, важно умение говорить сложные вещи просто и вовремя.

— Мне хотелось бы привести как пример последнее сочинение Дмитрия Шостаковича — его альтовую сонату. Композитор нашел в ней ту удивительную, ту мудрую простоту, которая сродни гению Микельанджело, Шекспира, Баха, Бетховена...

— До сих пор мы говорили с вами об опере. Но вами проделана большая, многолетняя работа и в драматическом театре. Что для вас является особенно важным при создании музыки к спектаклю?

— Спектакль выигрывает тогда, когда режиссер и композитор понимают свою задачу одинаково, работают в одном ключе. Сотрудничество с главным режиссером театра имени Янки Купалы Валерием Раевским в этом отношении доставляет мне всегда подлинное творческое удовлетворение.

— В творчестве все в какой-то мере взаимосвязано: музыка оперная влияет на симфоническую, театральная — на кантатно-ораториальную... Я имею в виду использование определенных тем, композиционных принципов, особенностей музыкального языка.

— В этом отношении мне памятна история создания оратории «Памяти поэта», которая посвящена Янке Купале. Она как бы сконцентрировала в себе особенности двух моих работ — музыки к телефильму «На сонца, на шчасце», и к спектаклю «Раскіданае гняздо».

— Последний вопрос — традиционный. Поделитесь своими задумками на будущее.

— Мечтаю написать музыку к последнему циклу стихов Пабло Неруды «Море и колокола». В стихах этих — удивительное, гениальное предвидение и вера, вера в будущее.

Но все мои планы — в далекой перспективе. А пока — опера.

Беседу вел
Л. ПОПОВА.

«А пока — опера...»

Недавно художественный совет Государственного академического Большого театра оперы и балета БССР принял к постановке оперу белорусского композитора С. А. Кортеся «Джордано Бруно». Поэтому, когда я обратилась к Сергею Альбертовичу с просьбой ответить на некоторые вопросы, тему нашей беседы он выбрал сам: «Давайте поговорим о том, что ныне меня более всего занимает и волнует».

— О постановке вашей оперы?

— Да, о «Джордано Бруно».

— Художественному совету вы представили композицию по опере, в которую вошли важнейшие вокальные и симфонические эпизоды. В целом обсуждение прошло, как говорится, благополучно для вас.

— Мне особенно приятно, что на обсуждении присутствовал Тихон Николаевич Хренников, который тепло отозвался о моем сочинении. Конечно, предстоит еще много сделать: окончательная отшлифовка оперы и уточнение деталей — все это впереди. Но опера включена в работу театра — это главное. Большую творческую помощь оказывает мне главный дирижер Большого театра БССР Ярослав Антонович Вошак.

— Чтобы в полной мере можно было представить вашу работу над «Джордано Бруно», обратимся к тому, что в музыковедческой литературе называют «историей создания». Почему вы остановили свой выбор именно на этом сюжете?

— Прежде всего меня захватила личность Бруно — уникальная, фантастическая! Его подвиг невозможно объяснить привычными словами — великий, беспримерный... Во все времена утверждение истины доставало человеку дорогой

отвергнут, после смерти его имя пытались осквернить и предать забвению.

— Оценка личности — это один ракурс трагедии, но ведь вы решаете тему и в плане общечеловеческом...

— Сюжет привлек меня именно возможностью провести важные исторические параллели. Есть явления, повторяющиеся из эпохи в эпоху, из поколения в поколение. Одно из них — извечная борьба разума за человека, против жестокости, насилия, против черной реакции. В этой борьбе проявляются наша стойкость, наша вера, наши идейные позиции.

— Через утверждение этой мысли вы хотите вывести общую идею оперы: человек — не пассивный наблюдатель, он в ответе за свое время...

— Да, жизнь поэта и философа Джордано Бруно была олицетворением борьбы за свое время. Бруно противостоял инквизиции, мы — фашизму. Есть разница в названиях. Но суть одна и та же: от костра Бруно до костра Хатыни — один шаг. Эту мысль мне хотелось подчеркнуть. В Белоруссии, где погиб каждый четвертый, постановка оперы на такую тему, по-моему, особенно правомерна.